

Часть первая

I

ТЕНЬ РИШЕЛЬЕ

В одном из покоев уже знакомого нам кардинальского дворца, за столом с позолоченными углами, заваленным бумагами и книгами, сидел мужчина, подперев обеими руками голову.

Позади него в огромном камине горел яркий огонь, и пылающие головни с треском обваливались на вызолоченную решетку. Свет очага падал сзади на великолепное одеяние задумавшегося человека, а лицо его освещало пламя свечей, зажженных в канделябрах.

И красная сутана, отделанная богатыми кружевами, и бледный лоб, омраченный тяжелой думой, и уединенный кабинет, и тишина пустых соседних зал, и мерные шаги часовых на площадке лестницы — все наводило на мысль, что это тень кардинала Ришелье оставалась еще в своем прежнем жилище.

Увы, это была действительно только тень великого человека! Ослабевшая Франция, пошатнувшаяся власть короля, вновь собравшееся с силами буйное дворянство и неприятель, переступивший границу, свидетельствовали о том, что Ришелье здесь больше нет.

Но еще больше утверждало в мысли, что красная сутана принадлежала вовсе не старому кардиналу, одиночество, в котором пребывала эта фигура, тоже более подобавшее призраку, чем живому человеку: в пустых коридорах не толпились придворные, зато дворы были полны стражи; с улицы к окнам кардинала летели насмешки всего города, объединившегося в бурной ненависти к нему; наконец, издали то и дело доносилась ружейная пальба, которая, правда, пока велась впустую, с единственной целью

показать караулу, швейцарским наемникам, мушкетерам и солдатам, окружавшим Пале-Рояль (теперь и самый кардинальский дворец сменил имя), что у народа тоже есть оружие.

Этой тенью Ришелье был Мазарини.

Он чувствовал себя одиноким и бессильным.

— Иностранец! — шептал он. — Итальянец! Вот их излюбленные слова. С этими словами они убили, повесили, истребили Кончини. Если бы я дал им волю, они бы и меня убили, повесили, истребили. А какое я им сделал зло? Только прижал их немного налогами. Дурачье! Они не понимают, что враг их совсем не итальянец, плохо говорящий по-французски, а разные краснобаи, с чистейшим парижским выговором разглагольствующие перед ними.

— Да, да, — бормотал министр с тонкой улыбкой, казавшейся сейчас неуместной на его бледных губах, — да, ваш ропот напоминает мне, как непрочно судьба временщика; но если вы это знаете, то знайте же, что я-то не простой временщик! У графа Эссекса был великолепный перстень с алмазами, который подарила ему царственная любовница, а у меня простое кольцо с вензелем и числом, но это кольцо освящено в церкви Пале-Рояля. Им не сломить меня, сколько они ни грозятся. Они не замечают, что, хоть они и кричат вечно «Долой Мазарини!», я заставляю их кричать также: «Да здравствует герцог Бофор!», «Да здравствует принц Конде!» или «Да здравствует парламент!». И вот герцог Бофор в Венсене, принц не сегодня завтра угодит туда же, а парламент... — (Тут улыбка кардинала превратилась в гримасу такой ненависти, какой никогда не видели на его ласковом лице.) — Парламент... Посмотрим еще, что сделать с парламентом; за нас Орлеан и Монтаржи. О, я спешить не стану; но те, кто начал криком: «Долой Мазарини!», в конце концов будут кричать «долой» всем этим людям, каждому по очереди.

Кардиналу Ришелье, которого они ненавидели, пока он был жив, и о котором только и говорят с тех пор, как он умер, приходилось хуже меня — ведь его несколько раз прогоняли, и очень часто он боялся быть выгнанным. Ме-

ня же королева никогда не прогонит, и если я буду вынужден уступить народу, то она уступит вместе со мной; если мне придется бежать, она убежит вместе со мной, и тогда посмотрим, как бунтовщики обойдутся без своей королевы и короля. Ах, не будь я иностранец, будь я француз, будь я дворянин!..

И он снова впал в задумчивость.

Действительно, положение было трудное, а истекший день усложнил его еще более. Мазарини, вечно подстрекаемый своей гнусной жадностью, давил народ налогами, и народ, у которого, как говорил прокурор Талон, оставалась одна душа в теле, и то потому, что ее не продашь с публичных торгов, — этот народ, которому громом военных побед хотели заткнуть глотку и который убедился, что лаврами он сыт не будет, — давно уже роптал.

Но это было еще не все. Пока ропщет один только народ, двор, отделенный от него буржуазией и дворянством, не слышит его ропота; но Мазарини имел неосторожность затронуть судебное ведомство: он продал двенадцать патентов на должность парламентских докладчиков! Между тем чиновники платили за свои места очень дорого; а так как появление двенадцати новых собратьев должно было снизить цену, то прежние чины соединились и поклялись на Евангелии ни под каким видом не допускать новых докладчиков и сопротивляться всем притеснениям двора; они обязались, в случае если бы один из них за неповиновение потерял свою должность, сложиться и возратить ему стоимость патента.

Вот какие действия были предприняты с обеих сторон.

Седьмого января около восьмисот парижских купцов собрались, возмущенные новыми налогами на домовладельцев, и, избрав десять депутатов, отправили их к герцогу Орлеанскому, который, по своему старому обычаю, заигрывал с народом. Герцог Орлеанский принял их, и они заявили ему, что решили не платить нового налога, хотя бы им пришлось защищаться против королевских сборщиков с оружием в руках. Герцог Орлеанский выслушал их очень благосклонно, обнадежил, посулил поговорить об умень-

шении налога с королевой и напутствовал их, как и полагается принцу, обещанием: «Посмотрим».

Со своей стороны, парламентские докладчики девятого числа явились к кардиналу, и один из них от лица всех остальных говорил так решительно и смело, что кардинал был изумлен; он отпустил их, сказав, как и герцог Орлеанский: «Посмотрим».

И вот, чтобы *посмотреть*, был созван совет; послали за управляющим финансами д'Эмери.

Народ ненавидел этого д'Эмери: во-первых, потому, что он управлял финансами, а управляющего финансами всегда ненавидят, во-вторых, надо признаться, он этого в самом деле заслуживал.

Это был сын лионского банкира Партичелли, который после банкротства переменял фамилию и стал называться д'Эмери. Кардинал Ришелье, заметив в нем большие финансовые способности, представил его Людовику XIII под именем д'Эмери и, желая назначить его управляющим финансами, расхвалил его.

— Чудесно! — ответил король. — Я очень рад, что вы предлагаете д'Эмери на это место, где нужен человек честный. Мне говорили, что вы покровительствуете мошеннику Партичелли, и я боялся, что вы заставите меня взять его.

— Государь, — ответил кардинал, — будьте покойны: Партичелли, о котором угодно было вспомнить вашему величеству, уже повешен.

— А, тем лучше! — воскликнул король. — Значит, не напрасно называют меня Людовиком Справедливым.

И он подписал назначение д'Эмери.

Этот самый д'Эмери и был теперь управляющим финансами.

За ним послали от имени министра; он прибежал бледный, перепуганный и рассказал, что его сына чуть не убили сегодня на дворцовой площади: его узнали, окружили и стали поносить за роскошь, в которой жила его жена, — ее покои были обиты красным бархатом с золотой бахромой. Она была дочерью Николая Ле-Камю, секретаря

с 1617 года, который пришел в Париж с двадцатью ливрами в кармане, а недавно, оставив для себя сорок тысяч ливров ренты, разделил между своими детьми девять миллионов.

Сына д'Эмери едва не задушили. Один из бунтовщиков предлагал мять его до тех пор, пока из него не выжмут награбленного золота.

Управляющий финансами был слишком взволнован происшествием с сыном, чтобы рассуждать спокойно, и совет ничего не решил в этот день.

На следующий день первый президент парламента Матье Моле, смелость которого в подобных обстоятельствах, по словам кардинала де Реца, равнялась храбрости герцога Бофора и принца Конде, иначе говоря, двух лиц, считавшихся самыми отважными во всей Франции, — этот первый президент на другой день тоже подвергся нападению: народ угрожал разделаться с ним за все учиненное зло. Однако первый президент ответил со своим обычным спокойствием, не волнуясь и не выказывая удивления, что если смутьяны не подчинятся воле короля, то он велит поставить на площадях виселицы и тотчас же вздернет на них самых буйных. На это ему сказали, что виселицы давно пора поставить: они пригодятся, чтобы вздернуть на них судей-лихоимцев, покупающих себе милость двора ценой народной нищеты.

Но и это было еще не все. Одиннадцатого числа, когда королева направлялась к обедне в собор Парижской Богоматери, что она делала неизменно каждую субботу, за ней двинулось больше двухсот женщин, крича и требуя справедливости. Впрочем, у них не было дурных намерений: они хотели только стать на колени перед королевой и пробудить в ней сострадание. Но конвой не допустил их, а королева прошла надменно и гордо, не слушая жалоб.

После полудня был снова собран совет, и на нем решено было поддержать авторитет короля; для этой цели на следующий день, двенадцатого числа, было назначено заседание парламента.

В тот день, с вечера которого мы и начинаем наш рассказ, десятилетний король, только что выздоровевший от

ветряной оспы, ходил благодарить за свое исцеление парижскую Богоматерь. Под этим предлогом по королевскому приказу были собраны все гвардейцы, швейцарцы, мушкетеры и выстроены вокруг Пале-Рояля, вдоль набережных и Нового моста. Прослушав обедню, король отправился в парламент, где таким образом неожиданно состоялось «королевское заседание», и не только подтвердил все прежние эдикты, но огласил еще пять или шесть новых, один разорительнее другого, по словам кардинала де Реца. И теперь даже первый президент, который, как мы видели, держал раньше сторону двора, решительно выступил против того, чтобы короля приводили в парламент для стеснения свободы депутатов.

Но особенно дерзко восстали против новых налогов президент Бланмениль и советник Брюсель.

Огласив эдикты, король вернулся в Пале-Рояль. Народ толпился на его пути. Все знали, что он возвращается из парламента, но неизвестно было, ходил ли он туда, чтобы защитить народ, или для того, чтобы сильнее притеснить его. Вот почему на всем пути его не раздалось ни одного радостного крика, ни одного приветствия по случаю его выздоровления. Лица горожан, напротив, были мрачны и беспокойны; на некоторых выражалась даже угроза.

Хотя король вернулся во дворец, войска остались на своих местах, — боялись, как бы не вспыхнул мятеж, когда станут известны результаты заседания парламента. И правда, едва лишь разнесся слух, что король, вместо того чтобы облегчить налоги, еще более их увеличил, люди сейчас же стали собираться кучками, слышались громкие жалобы и крики: «Долой Мазарини! Да здравствует Брюсель! Да здравствует Бланмениль!»

Народ знал, что Брюсель и Бланмениль говорили в его пользу, и хотя их красноречие пропало даром, он тем не менее был им благодарен.

Толпу хотели разогнать, хотели заставить ее замолчать, но, как всегда бывает в таких случаях, она только разрасталась и крики усиливались.

Королевским гвардейцам и швейцарцам был отдан приказ не только сдерживать толпу, но и выслать патрули

на улицы Сен-Дени и Сен-Мартен, где сборища казались особенно многочисленными и возбужденными; тут в Пале-Рояле доложили о приезде купеческого старшины.

Он немедленно был принят и объявил, что если правительство не прекратит своих враждебных действий, то через два часа весь Париж возьмется за оружие.

Еще спорили о том, какие следует принять меры, когда вошел гвардейский лейтенант Коменж. Лицо его было в крови, платье изодрано. Увидев его, королева вскрикнула от изумления и спросила, что с ним случилось.

А случилось то, что предвидел купеческий старшина: народ раздражило появление солдат. Со всех колоколен ударили в набат. Коменж не растерялся, арестовал какого-то человека, который показался ему одним из главных бунтарей, и велел, для примера, повесить его на кресте посреди площади Трагуар; солдаты схватили его и потащили, чтобы выполнить приказ. Но около рынка на них напала толпа: посыпались камни и удары алебард. Мятежник воспользовался минутой, добежал до улицы Меньял и скрылся в доме, двери которого солдаты тотчас же выломали.

Однако это грубое насилие оказалось напрасным: виновного нигде не могли найти. Коменж поставил караул около дома, а сам с остальными солдатами вернулся во дворец, чтобы доложить обо всем королеве. По всему пути их преследовали крики и угрозы; несколько человек из его отряда были поранены пиками и алебардами, и самому ему камнем рассекли бровь.

Рассказ Коменжа подтвердил заявление старшины; дело пахло серьезным восстанием, а к нему не были подготовлены. Поэтому кардинал велел распустить в народе слух, что войска выстроены на набережных и на Новом мосту только по случаю церемонии и сейчас удалятся. Действительно, к четырем часам дня они все были стянуты ко дворцу Пале-Рояль; поставили пост у заставы Сержантов, другой — у Трехсот Слепых, третий — на холме Святого Рока. Во дворах и нижних этажах дворца собрали швейцарцев и мушкетеров и стали ждать.

Вот в каком положении были дела, когда мы ввели читателя в кабинет кардинала Мазарини, бывший прежде ка-

бинетом Ришелье. Мы видели, в каком расположении духа был кардинал, прислушиваясь к доносившемуся до него народному ропоту и к далеким ружейным выстрелам.

Вдруг он поднял голову, нахмутив брови, как человек, на что-то решившийся, взглянул на огромные стенные часы, которые сейчас должны были пробить десять, взял со стола бывший у него всегда под руками золоченый свисток и свистнул два раза.

Бесшумно отворилась скрытая под стенной обивкой дверь; из нее тихо вышел человек, одетый в черное, и встал за его креслом.

— Бернуин, — сказал кардинал, даже не оглянувшись, так как знал, что на два свистка должен явиться камердинер, — что за мушкетеры дежурят во дворце?

— Черные мушкетеры, монсеньор.

— Какой роты?

— Господина де Тревия.

— Есть кто-нибудь из офицеров этой роты в передней?

— Лейтенант д'Артаньян.

— Надежный, надеюсь?

— Да, монсеньор.

— Подай мне мушкетерский мундир и помоги одеться.

Камердинер вышел так же беззвучно, как вошел, и через минуту вернулся с платьем.

В молчаливой задумчивости Мазарини стал снимать свое парадное облачение, которое надел, чтобы присутствовать на заседании парламента; затем натянул военный мундир, который он носил с известной непринужденностью еще в итальянских походах. Одевшись, он сказал:

— Позови сюда д'Артаньяна.

Камердинер вышел, на этот раз в среднюю дверь, по-прежнему безмолвный, словно тень.

Оставшись один, кардинал с удовлетворением посмотрел на себя в зеркало. Он был еще молод — ему только что минуло сорок шесть лет, — хорошо сложен, роста чуть ниже среднего; у него был прекрасный, свежий цвет лица, глаза, полные огня, большой, но красивый нос, широкий гордый лоб, русые, слегка курчавые волосы; борода, темнее

волос на голове, была всегда тщательно завита, что очень шло ему.

Кардинал надел перевязь со шпагой, самодовольно оглядел свои красивые и выхоленные руки и, отбросив грубые замшевые перчатки, полагающиеся по форме, надел обыкновенные — шелковые.

В эту минуту дверь отворилась.

— Лейтенант д'Артаньян, — доложил камердинер.

Вошел офицер.

Это был мужчина лет тридцати девяти или сорока, небольшого роста, но стройный, худой, с живыми умными глазами, с черной бородой, но с проседью на голове, что часто бывает у людей, которые прожили жизнь слишком весело или слишком печально, — в особенности если волосы у них темные.

Д'Артаньян, войдя в комнату, сразу же узнал кабинет кардинала Ришелье, где ему пришлось побывать однажды. Видя, что здесь никого нет, кроме мушкетера его роты, он внимательно посмотрел на этого человека и под одеждой мушкетера сразу же узнал кардинала.

Д'Артаньян остановился в позе почтительной, но полной достоинства, как подобает человеку из общества, привыкшему часто встречаться с вельможами.

Кардинал устремил на него взгляд, скорее острый, нежели глубокий, рассмотрел его внимательно и после нескольких секунд молчания спросил:

— Вы господин д'Артаньян?

— Так точно, монсеньор, — ответил офицер.

Кардинал еще раз посмотрел на умную голову, на лицо, чрезвычайную подвижность которого обуздали годы и опытность. Д'Артаньян выдержал испытание: на него смотрели некогда глаза поострее тех, что подвергали его исследованию сейчас.

— Вы поедете со мной, сударь, — сказал кардинал, — или, вернее, я поеду с вами.

— Я к вашим услугам, монсеньор, — ответил д'Артаньян.

— Я хотел бы лично осмотреть посты у Пале-Рояля. Как вы думаете, это опасно?

— Опасно, монсеньор? — удивился д'Артаньян. — Почему же?

— Говорят, народ совсем взбунтовался.

— Мундир королевских мушкетеров пользуется большим уважением, монсеньор, и в случае надобности я с тремя товарищами берусь разогнать сотню этих бездельников.

— Но вы знаете, что случилось с Коменжем?

— Господин Коменж — гвардеец, а не мушкетер, — ответил д'Артаньян.

— Вы хотите сказать, — заметил кардинал, улыбаясь, — что мушкетеры лучшие солдаты, чем гвардейцы?

— Каждый гордится своим мундиром, монсеньор.

— Только не я, — рассмеялся Мазарини. — Вы видите, я променял его на ваш.

— Черт побери! — воскликнул д'Артаньян. — Вы это говорите из скромности, монсеньор! Что до меня, то, будь у меня мундир вашего преосвященства, я удовольствовался бы им и позаботился бы о том, чтобы никогда не надевать другого.

— Да, только для сегодняшней прогулки он, пожалуй, не очень надежен. Бернуин, шляпу!

Слуга подал форменную шляпу с широкими полями. Кардинал надел ее, лихо заломив набок, и обернулся к д'Артаньяну:

— У вас в конюшне есть оседланные лошади?

— Есть, монсеньор.

— Так едем.

— Сколько человек прикажете взять с собою, монсеньор?

— Вы сказали, что вчетвером справитесь с сотней бездельников; так как мы можем встретить их две сотни, возьмите восьмерых.

— Как прикажете.

— Идите, я следую за вами. Или нет, постойте, лучше пройдем здесь. Бернуин, посвети нам.

Слуга взял свечу, а кардинал взял со стола маленький вырезной ключ, и, выйдя по потайной лестнице, они через минуту очутились во дворе Пале-Рояля.

II НОЧНОЙ ДОЗОР

Десять минут спустя маленький отряд выехал на улицу Добрых Ребят, обогнув театр, построенный кардиналом Ришелье для первого представления «Мирам»; теперь здесь, по воле кардинала Мазарини, предпочитавшего литературе музыку, шли первые во Франции оперные спектакли.

Все в городе свидетельствовало о народном волнении. Многочисленные толпы двигались по улицам, и, вопреки тому, что говорил д'Артаньян, люди останавливались и смотрели на солдат дерзко и с угрозой. По всему видно было, что у горожан обычное добродушие сменилось более воинственным настроением. Время от времени со стороны рынка доносился гул голосов. На улице Сен-Дени стреляли из ружей, и по временам где-то внезапно и неизвестно для чего, единственно по прихоти толпы, начинали бить в колокол.

Д'Артаньян ехал с беззаботностью человека, для которого такие пустяки ничего не значат. Если толпа загораживала дорогу, он направлял на нее своего коня, даже не крикнув «берегись!»; и, как бы понимая, с каким человеком она имеет дело, толпа расступалась и давала всадникам дорогу. Кардинал завидовал этому спокойствию; и хотя оно объяснялось, по его мнению, только привычкой к опасностям, он чувствовал к офицеру, под начальством которого вдруг очутился, то невольное уважение, в котором благоразумие не может отказать беспечной смелости.

Когда они приблизились к посту у заставы Сержантов, их окликнул часовой:

— Кто идет?

Д'Артаньян отозвался и, спросив у кардинала пароль, подъехал к караулу. Пароль был: Людовик и Рокруа.

После обмена условными словами д'Артаньян спросил, не лейтенант ли Коменж командует караулом.

Часовой указал ему на офицера, который стоя разговаривал с каким-то всадником, положив руку на шею лошади. Это был тот, кого искал д'Артаньян.

— Господин де Коменж здесь, — сказал д'Артаньян, вернувшись к кардиналу.

Мазарини подъехал к нему, между тем как д'Артаньян из скромности остался в стороне; по манере, с какой оба офицера, пеший и конный, сняли свои шляпы, он видел, что они узнали кардинала.

— Bravo, Гито, — сказал кардинал всаднику, — я вижу, что, несмотря на свои шестьдесят четыре года, вы по-прежнему бдительны и преданны. Что вы говорили этому молодому человеку?

— Монсеньор, — отвечал Гито, — я говорил ему, что мы переживаем странные времена и что сегодняшний день очень напоминает дни Лиги, о которой я столько наслышался в молодости. Знаете, сегодня на улицах Сен-Дени и Сен-Мартен речь шла ни более ни менее как о баррикадах!

— И что же ответил вам Коменж, мой дорогой Гито?

— Монсеньор, — сказал Коменж, — я ответил, что для Лиги им кой-чего недостает, и немалого, — а именно герцога Гиза; да такие вещи и не повторяются.

— Это верно, но зато они готовят Фронду¹, как они выражаются, — заметил Гито.

— Что такое Фронда? — спросил Мазарини.

— Они так называют свою партию, монсеньор.

— Откуда это название?

— Кажется, несколько дней тому назад советник Башомон сказал в парламенте, что все мятежники похожи на парижских школьничков, которые сидят по канавам с пращой и швыряют камнями; чуть завидят полицейского — разбегаются, но как только он пройдет, опять принимают себя за прежнее. Они подхватили это слово и стали называть себя фрондерами, как брюссельские оборванцы зовут себя гезами. За эти два дня все стало «по-фрондерски» — булки, шляпы, перчатки, муфты, веера; да вот послушайте сами.

Действительно, в эту самую минуту распахнулось какое-то окно, в него высунулся мужчина и запел:

Слышен ветра шепот,
Слышен свист порой,

¹ Фронда, la fronde — праща (*фр.*).

Это Фронды ропот:
«Мазарини долой!»

— Наглец, — проворчал Гито.

— Монсеньор, — сказал Коменж, который из-за полученных побоев был в дурном настроении и искал случая в отместку за свою шишку нанести рану, — разрешите послать пулю этому бездельнику, чтобы научить его не петь в другой раз так фальшиво?

И он уже протянул руку к кобуре на дядюшкином седле.

— Нет, нет! — воскликнул Мазарини. — *Diavolo*¹, мой милый друг, вы все дело испортите, а оно пока идет чудесно. Я знаю всех ваших французов, от первого до последнего: поют — значит будут платить. Во времена Лиги, о которой вспоминал сейчас Гито, распевали только мессы, ну и было очень плохо. Едем, Гито, едем, посмотрим, так ли хорош караул у Трехсот Слепых, как у заставы Сержантов.

И, махнув Коменжу рукой, он подъехал к д'Артаньяну, который снова занял место во главе своего маленького отряда. Следом за ним ехали кардинал и Гито, а немного поодаль остальные.

— Это правда, — проворчал Коменж, глядя вслед удаляющемуся кардиналу. — Я и забыл: платить да платить, больше ему ничего не надо.

Теперь они ехали по улице Сент-Оноре, беспрестанно рассеивая по пути кучки народа. В толпе только и разговору было что о новых эдиктах; жалели юного короля, который, сам того не зная, разоряет народ; всю вину сваливали на Мазарини; поговаривали о том, чтобы обратиться к герцогу Орлеанскому и к принцу Конде; восторженно повторяли имена Бланмениля и Бруселя.

Д'Артаньян беспечно ехал среди народа, как будто он сам и его лошадь были из железа; Мазарини и Гито тихо разговаривали; мушкетеры, наконец узнавшие кардинала, хранили молчание.

¹ Черт (*ит.*).

Когда по улице Святого Фомы они подъехали к посту Трехсот Слепых, Гито вызвал младшего офицера. Тот подошел с рапортом.

— Ну как дела? — спросил Гито.

— Капитан, — ответил офицер, — все обстоит благополучно; только в этом дворце что-то неладно, на мой взгляд.

И он показал рукой на великолепный дворец, стоявший там, где позже построили театр Водевиль.

— В этом доме? — спросил Гито. — Да ведь это особняк Рамбулье.

— Не знаю, Рамбулье или нет, но только я видел своими глазами, как туда входило множество подозрительных лиц.

— Вот оно что! — расхохотался Гито. — Да ведь это поэты!

— Эй, Гито, — сказал Мазарини, — не отзывайся так непочтительно об этих господах. Я сам в юности был по-этом и писал стихи на манер Бенсерада.

— Вы, монсеньор?!

— Да, я. Хочешь, продекламирую?

— Это меня не убедит. Я не понимаю по-итальянски.

— Зато когда с тобой говорят по-французски, ты понимаешь, мой славный и храбрый Гито, — продолжал Мазарини, дружески кладя руку ему на плечо, — и какое бы ни дали тебе приказание на этом языке, ты его исполнишь?

— Без сомнения, монсеньор, как всегда, если, конечно, приказание будет от королевы.

— Да, да! — сказал Мазарини, закусывая губу. — Я знаю, ты всецело ей предан.

— Уж двадцать лет я состою капитаном гвардии ее величества.

— В путь, д'Артаньян, — сказал кардинал, — здесь все в порядке.

Д'Артаньян, не сказав ни слова, занял свое место во главе колонны с тем слепым повиновением, которое составляет отличительную черту солдата.

Они проехали по улицам Ришелье и Вильдо к третьему посту на холме Святого Рока. Этот пост, расположенный почти у самой крепостной стены, был самым уединенным, и прилегающая к нему часть города была мало населена.

— Кто командует этим постом? — спросил кардинал.

— Вилькье, — ответил Гито.

— Черт! — выругался Мазарини. — Поговорите с ним сами. Вы знаете, мы с ним не в ладах с тех пор, как вам поручено было арестовать герцога Бофора: он в обиде, что ему, капитану королевской гвардии, не доверили эту честь.

— Знаю и сто раз доказывал ему, что он не прав, потому что король, которому было тогда четыре года, не мог ему дать такого приказания.

— Да, но зато я мог его дать, Гито; однако я предпочел вас.

Гито, ничего не отвечая, пришпорил лошадь и, обменявшись паролем с часовым, вызвал Вилькье.

Тот подошел к нему.

— А, это вы, Гито! — проговорил он ворчливо, по своему обыкновению. — Какого черта вы сюда явились?

— Приехал узнать, что у вас нового.

— А чего вы хотите? Кричат: «Да здравствует король!» и «Долой Мазарини!». Ведь это уже не новость: за последнее время мы привыкли к таким крикам.

— И сами им вторите? — смеясь, спросил Гито.

— По правде сказать, иной раз хочется! По-моему, они правы, Гито; и я охотно бы отдал все не выплаченное мне за пять лет жалованье, лишь бы король был теперь на пять лет старше!

— Вот как! А что было бы, если бы король был на пять лет старше?

— Было бы вот что: король, будь он совершеннолетним, стал бы сам отдавать приказания, а гораздо приятнее повиноваться внуку Генриха Четвертого, чем сыну Пьетро Мазарини. За короля, черт возьми, я умру с удовольствием; но сложить голову за Мазарини, как это чуть не случилось сегодня с вашим племянником!.. Никакой рай меня в этом не утешит, какую бы должность мне там ни дали.

— Хорошо, хорошо, капитан Вилькье, — сказал Мазарини, — будьте покойны, я доложу королю о вашей преданности.

И, обернувшись к своим спутникам, прибавил:

— Едем, господа; все в порядке.

— Вот так штука! — воскликнул Вилькье. — Сам Мазарини здесь! Тем лучше: меня уже давно подмывало сказать ему в глаза, что я о нем думаю. Вы доставили мне подходящий случай, Гито, и хотя у вас вряд ли были добрые намерения, я все же благодарю вас.

Он повернулся на каблуках и ушел в караульную, насвистывая фрондерскую песенку.

Весь обратный путь Мазарини ехал в раздумье: все услышанное им от Коменжа, Гито и Вилькье убеждало его, что в трудную минуту за него никто не постоит, кроме королевы; а королева так часто бросала своих друзей, что поддержка ее казалась иногда министру, несмотря на все принятые им меры, очень ненадежной и сомнительной.

В продолжение своей ночной поездки, длившейся около часа, кардинал, расспрашивая Коменжа, Гито и Вилькье, не переставал наблюдать одного человека. Этот мушкетер, который сохранял спокойствие перед народными угрозами и даже бровью не повел ни на шутки Мазарини, ни на те насмешки, предметом которых был сам кардинал, казался ему человеком необычным и достаточно закаленным для происходящих событий, а еще больше для надвигающихся в будущем.

К тому же имя д'Артаньяна не было ему совсем неизвестно, и хотя он, Мазарини, явился во Францию только в 1634 или 1635 году, то есть лет через семь-восемь после происшествий, описанных нами в предыдущей книге, он все-таки где-то слышал, что так звали человека, проявившего однажды (он уже позабыл, при каких именно обстоятельствах) чудеса ловкости, смелости и преданности.

Эта мысль настолько занимала его, что он решил немедленно разобраться в этом деле, но за сведениями о д'Артаньяне не к д'Артаньяну же было обращаться! По некоторым словам, произнесенным лейтенантом мушкетеров,

кардинал признал в нем гасконца; а итальянцы и гасконцы слишком схожи и слишком хорошо понимают друг друга, чтобы относиться с доверием к тому, что каждый из них может наговорить о самом себе. Поэтому, когда они подъехали к стене, окружавшей сад Пале-Рояля, кардинал постучался в калитку (примерно в том месте, где сейчас находится кафе «Фуа»), поблагодарил д'Артаньяна и, попросив его обождать во дворе, сделал знак Гито следовать за собой. Оба сошли с лошадей, бросили поводья лакею, отворившему калитку, и исчезли в саду.

— Дорогой Гито, — сказал кардинал, беря под руку старого гвардейского капитана, — вы мне напомнили недавно, что уже более двадцати лет состоите на службе королевы.

— Да, это так, — ответил Гито.

— Так вот, мой милый Гито, — продолжал кардинал, — я заметил, что вы, кроме вашей храбрости, которая не подлежит никакому сомнению, и много раз доказанной верности, отличаетесь еще и превосходной памятью.

— Вы это заметили, монсеньор? — сказал гвардейский капитан. — Черт, тем хуже для меня.

— Почему?

— Без сомнения, одно из главных достоинств придворного — это умение забывать.

— Но вы, Гито, не придворный, вы храбрый солдат, один из тех славных воинов, которые еще остались от времен Генриха Четвертого и, к сожалению, скоро совсем переvedутся.

— Черт побери, монсеньор! Уж не пригласили ли вы меня сюда для того, чтобы составить мой гороскоп?

— Нет, — ответил Мазарини, смеясь, — я пригласил вас, чтобы спросить, обратили ли вы внимание на нашего лейтенанта мушкетеров?

— Д'Артаньяна?

— Да.

— Мне ни к чему было обращать на него внимание, монсеньор: я уже давно его знаю.

— Что же это за человек?

— Что за человек? — воскликнул Гито, удивленный вопросом. — Гасконец.

— Это я знаю; но я хотел спросить: можно ли ему вполне довериться?

— Господин де Тревиль относится к нему с большим уважением, а господин де Тревиль, как вы знаете, один из лучших друзей королевы.

— Я хотел бы знать, показал ли он себя на деле...

— Храбрым солдатом? На это я могу ответить вам сразу. Мне говорили, что при осаде Ла-Рошели, под Сузой, под Перпиньяном он совершил больше, чем требовал его долг.

— Но вы знаете, милый Гито, мы, бедные министры, нуждаемся часто и в другого рода людях, не только в храбрцах. Мы нуждаемся в ловких людях. Д'Артаньян при покойном кардинале, кажется, был замешан в крупную интригу, из которой, по слухам, выпутался очень умело?

— Монсеньор, по этому поводу, — сказал Гито, который понял, что кардинал хочет заставить его проговориться, — я должен сказать, что мало верю всяким слухам и выдумкам. Сам я никогда не путаюсь ни в какие интриги, а если иногда меня и посвящают в чужие, то ведь это не моя тайна, и ваше преосвященство одобрит меня за то, что я храню ее ради того, кто мне доверился.

Мазарини покачал головой.

— Ах, — сказал он, — честное слово, бывают же счастливицы-министры, которые узнают все, что хотят знать.

— Монсеньор, — ответил Гито, — такие министры не меряют всех людей на один аршин: для военных дел они пользуются военными людьми, для интриг — интриганам. Обратитесь к какому-нибудь интригану тех времен, о которых вы говорите, и от него вы узнаете, что захотите... за плату, разумеется.

— Хорошо, — поморщился Мазарини, как всегда бывало, когда речь заходила о деньгах в том смысле, как про них упомянул Гито, — заплатим... если иначе нельзя.

— Вы действительно желаете, чтобы я указал вам человека, участвовавшего во всех кознях того времени?

— Рег Вассо!¹ — воскликнул Мазарини, начиная терять терпение. — Уже целый час я толкую вам об этом, упрямая голова!

— Есть человек, по-моему вполне подходящий, но только согласится ли он говорить?

— Уж об этом позабочусь я.

— Ах, монсеньор, не всегда легко заставить говорить человека, предпочитающего молчать.

— Ба! Терпением можно всего добиться. Итак, кто он?

— Граф Рошфор.

— Граф Рошфор?

— Да, но, к несчастью, он исчез года четыре назад, и я не знаю, что с ним случилось.

— Я-то знаю, Гито, — сказал Мазарини.

— Так почему же вы сейчас жаловались, ваше преосвященство, что ничего не знаете?

— Так вы думаете, — сказал Мазарини, — что этот Рошфор...

— Он был предан кардиналу телом и душой, монсеньор. Но, предупреждаю, это будет вам дорого стоить: покойный кардинал был щедр со своими любимцами.

— Да, да, Гито, — сказал Мазарини, — кардинал был великий человек, но этот-то недостаток у него был. Благодарю вас, Гито, я воспользуюсь вашим советом, и притом сегодня же.

Оба собеседника подошли в это время ко двору Палатинскому; кардинал движением руки отпустил Гито и, заметив офицера, шагавшего взад и вперед по двору, подошел к нему.

Это был д'Артаньян, ожидавший кардинала по его приказанию.

— Пойдемте ко мне, господин д'Артаньян, — проговорил Мазарини самым приятным голосом, — у меня есть для вас поручение.

Д'Артаньян поклонился, прошел вслед за кардиналом по потайной лестнице и через минуту очутился в кабинете, где уже побывал в этот вечер.

¹ Клянусь Вакхом! (*ит.*)

Кардинал сел за письменный стол и набросал несколько строк на листке бумаги.

Д'Артаньян стоял и ждал бесстрастно, без нетерпения и любопытства, словно военный автомат, готовый к действию или, вернее, к выполнению чужой воли.

Кардинал сложил записку и запечатал ее своей печатью.

— Господин д'Артаньян, — сказал он, — доставьте немедленно этот ордер в Бастилию и привезите оттуда человека, о котором здесь говорится. Возьмите карету и конвой да хорошенько смотрите за узником.

Д'Артаньян взял письмо, отдал честь, повернулся налево кругом, не хуже любого сержанта на ученье, вышел из кабинета, и через мгновение послышался его отрывистый и спокойный голос:

— Четырех конвойных, карету, мою лошадь.

Через пять минут колеса кареты и подковы лошадей застучали по мостовой.

III

ДВА СТАРИННЫХ ВРАГА

Когда д'Артаньян подъехал к Бастилии, пробило половину девятого.

Он велел доложить о себе коменданту тюрьмы, который, узнав, что офицер приехал с приказом от кардинала и по его повелению, вышел встречать посланца на крыльцо.

Комендантом Бастилии был в то время г-н дю Трамбле, брат грозного любимца Ришелье, знаменитого капуцина Жозефа, прозванного Серым Кардиналом.

Когда во времена заключения в Бастилии маршала Бассомпьера, просидевшего ровно двенадцать лет, его товарищи по несчастью, мечтая о свободе, говорили, бывало, друг другу: «Я выйду тогда-то», «А я тогда-то», Бассомпьер заявлял: «А я, господа, выйду тогда, когда выйдет и господин дю Трамбле». Он намекал на то, что после смерти кардинала дю Трамбле неминуемо потеряет свое место в Бастилии, тогда как он, Бассомпьер, займет свое — при дворе.

Его предсказание едва не исполнилось, только в другом смысле, чем он думал; после смерти кардинала, вопреки общему ожиданию, все осталось по-прежнему: г-н дю Трамбле не ушел, и Бассомпьер тоже чуть не просидел в Бастилии до конца своей жизни.

Господин дю Трамбле все еще был комендантом Бастилии, когда д'Артаньян явился туда, чтобы выполнить приказ министра. Он принял его с изысканной вежливостью; и так как он собирался как раз сесть за стол, то пригласил и д'Артаньяна отужинать вместе.

— Я и рад бы, — сказал д'Артаньян, — но, если не ошибаюсь, на конверте стоит надпись: «*Очень спешное*».

— Это правда, — сказал дю Трамбле. — Эй, майор, пусть приведут номер двести пятьдесят шесть.

Вступая в Бастилию, узник переставал быть человеком и становился номером.

Д'Артаньян невольно вздрогнул, услышав звон ключей; ему не захотелось даже сойти с лошади, когда он увидел вблизи забранные решетками окна и гигантские стены, на которые он глядел раньше только с той стороны рва и которые однажды так напугали его лет двадцать тому назад.

Раздался удар колокола.

— Я должен вас оставить, — сказал ему дю Трамбле, — меня зовут подписать пропуск заключенному. До свидания, господин д'Артаньян.

— Черт меня побери, если я захочу еще раз с тобой свидеться! — проворчал д'Артаньян, сопровождая это проклятие самой сладкой улыбкой. — Довольно пробыть в этом дворе пять минут, чтобы заболеть. Я согласен лучше умереть на соломе, что, вероятно, и случится со мной, чем получать десять тысяч ливров и быть комендантом Бастилии.

Едва он закончил этот монолог, как появился узник. Увидев его, д'Артаньян невольно вздрогнул от удивления, но тотчас же подавил свои чувства. Узник сел в карету, видимо не узнав д'Артаньяна.

— Господа, — сказал д'Артаньян четырем мушкетерам, — мне предписан строжайший надзор за узником, а так как дверцы кареты без замков, то я сяду с ним рядом.

Лильбон, окажите любезность, поведите мою лошадь на поводу.

— Охотно, лейтенант, — ответил тот, к кому он обратился.

Д'Артаньян спешился, отдал повод мушкетеру, сел рядом с узником и голосом, в котором нельзя было слышать ни малейшего волнения, приказал:

— В Пале-Рояль, да рысью.

Как только карета тронулась, д'Артаньян, пользуясь темнотой, царившей под сводами, где они проезжали, бросился на шею пленнику.

— Рошфор! — воскликнул он. — Вы! Это действительно вы! Я не ошибаюсь!

— Д'Артаньян! — удивленно воскликнул Рошфор.

— Ах, мой бедный друг! — продолжал д'Артаньян. — Не видя вас пятый год, я думал, что вы умерли.

— По-моему, — ответил Рошфор, — мало разницы между мертвым и погребенным, а меня уже похоронили или все равно что похоронили.

— За какое же преступление вы в Бастилии?

— Сказать вам правду?

— Да.

— Ну так вот: я не знаю.

— Вы мне не доверяете, Рошфор!

— Да нет же, клянусь честью! Ведь невозможно, чтобы я действительно сидел за то, в чем меня обвиняют.

— В чем же?

— В ночном грабеже.

— Вы ночной грабитель! Рошфор, вы шутите.

— Я вас понимаю. Это требует пояснения, не правда ли?

— Признаюсь.

— Дело было так: однажды вечером, после попойки у Рейнара, в Тюильри, с Фонтралем, де Рие и другими, герцог д'Аркур предложил пойти на Новый мост срывать плащи с прохожих; это развлечение, как вы знаете, вошло в большую моду с легкой руки герцога Орлеанского.

— В ваши-то годы! Да вы с ума сошли, Рошфор!

— Нет, попросту я был пьян; но все же эту забаву я счел для себя негожей и предложил шевалье де Рие быть вместе

со мной зрителем, а не актером и, чтобы видеть спектакль, как из ложи, влезть на конную статую. Сказано — сделано. Благодаря шпорам бронзового всадника, послужившим нам стременами, мы мигом взобрались на круп, устроились отлично и видели все превосходно. Уж пять плащей было сдернуто, и так ловко, что никто даже пикнуть не посмел, как вдруг один менее покладистый дуралей вздумал закричать: «Караул!» — и патруль стрелков тут как тут. Герцог д'Аркур, Фонтраль и другие убежали; де Рие тоже хотел удрать. Я его стал удерживать; говорю, что никто нас здесь не заметит; не тут-то было, не слушает, стал слезать, ступил на шпору, шпора пополам, он свалился, сломав себе ногу, и, вместо того чтобы молчать, стал вопить благим матом. Тут уж и я соскочил, но было поздно. Я попал в руки стрелков, которые отвезли меня в Шатле, где я и заснул преспокойно в полной уверенности, что назавтра выйду оттуда. Но миновал день, другой, целая неделя. Пишу кардиналу. Тотчас за мной приходят, отвозят в Бастилию, и вот я здесь пять лет. За что? Должно быть, за дерзость, за то, что сел на коня позади Генриха Четвертого, как вы думаете?

— Нет, вы правы, мой дорогой Рошфор, конечно, не за это. Но вы, по всей вероятности, сейчас узнаете, за что вас посадили.

— Да, кстати, я и забыл спросить вас: куда вы меня везете?

— К кардиналу.

— Что ему от меня нужно?

— Не знаю, я даже не знал, что меня послали именно за вами.

— Вы фаворит кардинала? Нет, это невозможно!

— Я фаворит! — воскликнул д'Артаньян. — Ах, мой несчастный граф! Я и теперь такой же неимущий гасконец, как двадцать два года тому назад, когда, помните, мы встретились в Менге.

Тяжелый вздох dokonчил его фразу.

— Однако же вам дано поручение...

— Потому что я случайно оказался в передней и кардинал обратился ко мне, как обратился бы ко всякому дру-

гому; нет, я все еще лейтенант мушкетеров, и, если не ошибаюсь, уж двадцать первый год.

— Однако с вами не случилось никакой беды; это не так-то мало.

— А какая беда могла бы со мной случиться? Есть латинский стих (я его забыл, да, пожалуй, никогда и не знал твердо): «Молния не ударяет в долины». А я долина, дорогой Рошфор, и одна из самых низких.

— Значит, Мазарини по-прежнему Мазарини?

— Больше, чем когда-либо, мой милый; говорят, он муж королевы.

— Муж!

— Если он не муж ее, то уж наверное любовник.

— Устоять против Бекингэма и сдать Мазарини!

— Таковы женщины! — философски заметил д'Артаньян.

— Женщины — пусть их; но королевы!..

— Ах, бог ты мой, в этом отношении королевы — женщины вдвойне.

— А герцог Бофор все еще в тюрьме?

— По-прежнему. Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что он был хорош со мной и мог бы мне помочь.

— Вы-то, вероятно, сейчас ближе к свободе; скорее вы поможете ему.

— Значит, война?

— Будет.

— С Испанией?

— Нет, с Парижем.

— Что вы хотите сказать?

— Слышите ружейные выстрелы?

— Да. Так что же?

— Это мирные горожане тешатся в ожидании серьезного дела.

— Вы думаете, они на что-нибудь способны?

— Они подают надежды, и если бы у них был предводитель, который бы их объединил...

— Какое несчастье быть взаперти!

— Бог ты мой! Да не отчаивайтесь. Уж если Мазарини послал за вами, значит он в вас нуждается; а если он в вас нуждается, то смею вас поздравить. Вот во мне, например, уже давно никто не нуждается, и сами видите, до какого положения это меня довело.

— Вот еще, вздумали жаловаться!

— Слушайте, Рошфор, заключим договор...

— Какой?

— Вы знаете, что мы добрые друзья.

— Черт возьми! Эта дружба оставила следы на моем теле: три удара шпаги.

— Ну, так если вы опять будете в милости, не забудьте меня.

— Честное слово Рошфора, но с тем, что и вы сделаете то же.

— Непременно, вот вам моя рука.

— Итак, как только вам представится случай поговорить обо мне...

— Я поговорю. А вы?

— Я тоже. А ваши друзья, о них тоже нужно позаботиться?

— Какие друзья?

— Атос, Портос и Арамис. Разве вы забыли о них?

— Почти.

— Что с ними случилось?

— Совсем не знаю.

— Неужели?

— Клянусь, что так. Как вы знаете, мы расстались. Они живы — вот все, что мне известно. Иногда получаю от них вести стороной. Но где они, хоть убейте, не могу вам сказать. Честное слово! Из всех моих друзей остались только вы, Рошфор.

— А знаменитый... как его звали, того малого, которого я произвел в сержанты Пьемонтского полка?

— Планше?

— Вот, вот! Что же случилось со знаменитым Планше?

— Он женился на хозяйке кондитерской с улицы Менья; он всегда любил сласти; и так как он сейчас париж-

ский буржуа, то, по всей вероятности, участвует в бунте. Вы увидите, что этот плут будет городским старшиной раньше, чем я капитаном.

— Полноте, милый д'Артаньян, не унывайте! Как раз в тот миг, когда находишься в самом низу, колесо поворачивается и поднимает тебя вверх. Может быть, с сегодняшнего же вечера ваша судьба изменится.

— Аминь! — сказал д'Артаньян и остановил карету.

— Что вы делаете? — спросил Рошфор.

— Мы приехали, а я не хочу, чтобы видели, как я выхожу из кареты: мы с вами не знакомы.

— Вы правы. Прощайте.

— До свиданья; помните ваше обещание.

Д'Артаньян вскочил на лошадь и поскакал впереди.

Минут пять спустя они въехали во двор Пале-Рояля.

Д'Артаньян повел узника по большой лестнице через приемную в коридор. Дойдя до дверей кабинета Мазарини, он уже хотел велеть доложить о себе, когда Рошфор положил ему руку на плечо.

— Д'Артаньян, — сказал Рошфор, улыбаясь, — признаться вам, о чем я думал всю дорогу, когда мы проезжали среди толпы горожан, бросавших злобные взгляды на вас и ваших четырех солдат?

— Скажите, — ответил д'Артаньян.

— Я думал, что мне стоило только крикнуть: «Помогите!» — и вы с вашим конвоем были бы разорваны в клочья, а я был бы на свободе.

— Почему же вы этого не сделали? — сказал д'Артаньян.

— Да что вы! — возразил Рошфор. — А наша клятва и дружба? Если бы не вы, а кто-нибудь другой вез меня, тогда...

Д'Артаньян опустил голову.

«Неужели Рошфор стал лучше меня?» — подумал он и велел доложить о себе министру.

— Введите господина Рошфора, — раздался нетерпеливый голос Мазарини, едва эти два имени были названы, — и попросите лейтенанта д'Артаньяна подождать: он мне еще нужен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

I. Тень Ришелье	5
II. Ночной дозор	15
III. Два старинных врага	24
IV. Анна Австрийская в сорок шесть лет	40
V. Гасконец и итальянец	51
VI. Д'Артаньян в сорок лет	57
VII. Д'Артаньян в затруднительном положении, но один из наших старых знакомых приходит ему на помощь	64
VIII. О различном действии, какое полупистоль может иметь на причетника и на служку	73
IX. О том, как д'Артаньян, выехав на дальние поиски за Арамисом, вдруг обнаружил его сидящим на лошади позади Планше	81
X. Аббат д'Эрбле	90
XI. Два хитреца	98
XII. Господин Портос дю Валлон де Брасье де Пьерфон ...	110
XIII. Как д'Артаньян, встретившись с Портосом, убедился, что не в деньгах счастье	116
XIV. Показывающая, что если Портос был недоволен своей участью, то Мушкетон был совершенно удовлетворен своею	126
XV. Два ангелочка	133
XVI. Замок Бражелон	142
XVII. Дипломатия Атоса	151
XVIII. Герцог де Бофор	162
XIX. Чем развлекался герцог Бофор в Венсенском замке ..	169

XX. Гримо поступает на службу	180
XXI. Какая была начинка в пирогах преемника дядюшки Марто	193
XXII. Одно из приключений Мари Мишон	204
XXIII. Аббат Скаррон.	219
XXIV. Сен-Дени	236
XXV. Один из сорока способов бегства герцога Бофора . . .	245
XXVI. Д'Артаньян поспевает вовремя	256
XXVII. На большой дороге	267
XXVIII. Встреча	274
XXIX. Советник Брусель	283
XXX. Четверо друзей готовятся к встрече	291
XXXI. Королевская площадь	300
XXXII. Паром на Уазе	306
XXXIII. Стычка	315
XXXIV. Монах	322
XXXV. Отпущение грехов	333
XXXVI. Гримо заговорил	339
XXXVII. Канун битвы	346
XXXVIII. Обед на старый лад	358
XXXIX. Письмо Карла Первого	367
XL. Письмо Кромвеля	373
XLI. Мазарини и королева Генриетта	382
XLII. Как несчастные принимают иногда случай за вмешательство Провидения	389
XLIII. Дядя и племянник	397
XLIV. Отец и сын	402
XLV. Еще одна королева просит помощи	411
XLVI. Где показывается, что первый порыв — всегда правильный	424
XLVII. Месса по случаю победы при Лансе	432

Часть вторая

I. Нищий из церкви Святого Евстафия	452
II. Башня Святого Иакова	463

III. Бунт	470
IV. Бунт переходит в восстание	478
V. В несчастье вспоминаешь друзей	491
VI. Свидание	498
VII. Бегство	505
VIII. Карета коадьютора	518
IX. Как д'Артаньян и Портос выручили от продажи соломы: один — двести девятнадцать, а другой — двести пятнадцать луидоров	533
X. Вести от Арамиса	542
XI. «Шотландец клятву преступил, за грош он короля сгубил»	554
XII. Мститель	564
XIII. Оливер Кромвель	574
XIV. Дворяне	579
XV. Господи Иисусе	586
XVI. Где доказывается, что в самых затруднительных обстоятельствах храбрые люди не теряют мужества, а здоровые желудки — аппетита.	594
XVII. Гост в честь павшего короля	603
XVIII. Д'Артаньян придумывает план.	612
XIX. Партия в ландскнехт	626
XX. Лондон	633
XXI. Суд	641
XXII. Уайт-Холл	650
XXIII. Рабочие	660
XXIV. «Remember!»	669
XXV. Человек в маске	676
XXVI. Дом Кромвеля	686
XXVII. Разговор	695
XXVIII. Фелука «Молния»	706
XXIX. Портвейн	719
XXX. Портвейн (<i>Продолжение</i>)	729
XXXI. Перст судьбы	734
XXXII. О том, как Мушкетона едва не съели, после того как раньше он едва не был изжарен	743

XXXIII. Возвращение	752
XXXIV. Послы	761
XXXV. Три помощника главнокомандующего	769
XXXVI. Битва под Шарантоном	784
XXXVII. Пикардийская дорога	795
XXXVIII. Благодарность Анны Австрийской	804
XXXIX. Мазарини в роли короля	809
XL. Меры предосторожности	814
XLI. Ум и сила	820
XLII. Ум и сила (<i>Продолжение</i>)	824
XLIII. Сила и ум	830
XLIV. Сила и ум (<i>Продолжение</i>)	832
XLV. Подземелье Мазарини	840
XLVI. Переговоры	845
XLVII. Мы начинаем верить, что Портос станет наконец бароном, а д'Артаньян капитаном	851
XLVIII. Перо и угроза иногда значат больше, чем шпага и преданность	860
XLIX. Перо и угроза иногда значат больше, чем шпага и преданность (<i>Продолжение</i>)	869
L. Иногда королям бывает труднее въехать в столицу, чем выехать из нее	876
LI. Иногда королям бывает труднее въехать в столицу, чем выехать из нее (<i>Продолжение</i>)	883
Эпилог	888